

Владимир Берязев

Родился в 1959 году в городе Прокопьевске Кемеровской области. Окончил Новосибирский институт народного хозяйства и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, эссеист. Автор поэтических сборников, а также книг очерков и эссе. Живет в Новосибирске.

28 СТУПЕНЕК

Из истории рода

Мама была последней из пяти детей, рожденных Пелагеей и Александром, моими бабушкой и дедушкой. Дед Александр Фомич был родом с Тамбовщины, из села Волчье Лебедянского уезда. В этом большом селе остались все наши близкие и дальние родственники. Дедушку мамы по отцовской линии (моего прадеда) звали Фома Захарович Пальчиков, а прабабушку — Анна Фёдоровна, в девичестве тоже Пальчикова, там, в районе Волчьего, это была распространённая фамилия. Мама Пелагеи, то есть прабабушка уже по материнской линии, была Загородникова Марфа Григорьевна из бийских мещан, из коренных жителей этого славного города. Сохранился даже адрес дома — Мопровская, 59, старинный дом с кирпичным первым этажом, огромными воротами и стеной из красного кирпича, отгораживавшей усадьбу от соседней.

Отец бабушки Пелагеи, Сутягин Павел Степанович, мордвин, тоже был жителем Бийска, скорее всего, его в раннем детстве привезли в Сибирь, сам он считал себя коренным кержаком-сибиряком, хоть и не забывал о своем мокшанском происхождении. Павел Степанович был плотником, очень хорошим плотником, мастером своего дела, ездил по городам и селам сибирским, строил дома и церкви, поднимал купола, ставил колоколенки. В Бийске у него тоже было много заказов. Там они с Марфой Григорьевной и познакомились, возможно, и не без помощи будущего тестя Григория Загородникова. В Бийске сыграли свадьбу, и Марфа Григорьевна переехала с мужем в Ельцовку, неподалеку от большого села Тогул, поскольку Павел Степанович был оттуда происхождением.

Семья была хорошая, большая, зажиточная по тем временам. У них родилось четыре дочери и три сына: Анастасия, Пелагея (1899), Клавдия, Аграфена и Егор, Иван, Алексей.

Как Пелагея Сутягина и Александр Пальчиков встретились и поженились?

Этому предшествовала столыпинская реформа и массовое переселение на богатые земли Алтая малоземельных крестьян расейских.

Фома Захарович Пальчиков с семьей перебрался в Сибирь по Транссибу в 1910 году, доехали до Ново-Николаевска, а потом по Чуйскому тракту — до Барнаула и в уездное село Тогул уже почти на границе с Кузбассом. Там в те поры уже проживал дядя, родной брат отца Фомы Захаровича, Иван Пальчиков. Поскольку он уезжал раньше на несколько месяцев, Фома дал родному дяде денег и сказал, чтобы он ему тут тоже прикупил имущества, мол, себе будешь покупать и мне купи. Тот купил себе, по воспоминаниям Александра Фомича, две мельницы, дом двухэтажный, тридцать лошадей и таким образом дедушкино золото присвоил. Мама часто вспоминала: «Когда Фома Захарович поехал с моим отцом (а отцу было тогда лет 16) к нему в Тогул из Еланды, Иван ему заявил: “Если б у меня была тридцать одна лошадь, я бы тебе

дал, а у меня — тридцать”. И отдал ему только медный самовар — и на этом всё, больше ни гроша, ни овечки никакой, ни телушки не дал. И дедушке пришлось обоим сыновей, Александра и Михаила, отдавать в работники. А на те деньги, что у него оставались, он смог купить только пятистенную хату да корову».

Спустя четыре года после переезда началась Германская война. Фому Захаровича мобилизовали и в Бийске в какой-то казарме холодной он простыл, получил двустороннее крупозное воспаление легких, домой привезли, и он умер. Очень молодой был, упокоился в возрасте всего 43 лет.

Он был хорошим портным, славился в Тамбовщине на всю волость. По верхней одежде и по костюмам был знатным мастером. У него, понятное дело, была своя швейная машинка «Зингер», которую он привез с Тамбовщины, и в Еланде с ее помощью удалось за пару лет обзавестись крепким хозяйством. По словам мамы, отец был у деда Фомы Захаровича подручным, подмастерьем, помогал во всем; за костюмы по молодости не брался, а вот шубы, тулупы — это Александр Фомич шил с большим успехом. По рассказам, в России у деда Фомы было много заказчиков-клиентов и портняжил он чуть ли не на целую волость, а в Еланде не успел развернуться, наработать клиентуру. Ему мало пришлось пожить на новом месте. И пяти лет не прожил...

Пелагея и Александр познакомились перед Гражданской войной, году в 18-м, бабушка в девицах работала у Щетинкиных, а дедушка в хозяйстве Яровского, дома эти в Ельцовке рядом находились, так молодые и познакомились, обженились, Сутягина стала Пальчиковой и переехала с мужем в Еланду.

Потом в Сибири началась Гражданская, Александр Фомич был призван, воевал у Колчака. По семейным преданиям известно, что по какой-то причине мобилизованных отправляли из алтайской глубинки в угольный Кузбасс, Александр Пальчиков оказался

в Прокопьевске. Там его ранило, и он двое суток лежал то ли в яме с водой, то ли в окопе обездвиженный. Дело было в мае, он изрядно простыл, когда его нашли едва-едва живого. Выходить-то выходили, но после ранения и, видимо, на фоне цинги он лишился всех зубов, за исключением одного. И так он прожил всю жизнь без зубов на кашах да тюрях. Именно так — с 25 лет и до самой смерти в конце сороковых.

Семья Пелагеи и Александра оказалась крепкой, дружной, многодетной, особенно по нынешним временам. В 1920 году родился первенец Алексей, потом Дмитрий в 1922, в 1925 — Василий, в 1928 — Николай, Евдокия, мама моя, — в 1931.

Александр Фомич умный мужик был и грамотный. Окончил за одну зиму четыре класса церковно-приходской школы, отличался особыми способностями к математике. В коллективизацию это ему помогло, был назначен счетоводом советской властью, а во время войны случилось так, что он все четыре года работал один на пять колхозов. Мама рассказывала, что к нему в контору в Еланде привозили документы из соседних деревень и он годовые отчеты составлял на все пять хозяйств. «Вот сколько в сельсовете было, на все и составлял. Это нас во время войны здорово выручало, ведь тяжело было, а ему из этих колхозов и мед, и мясо, и муку — всё давали-привозили».

В начале двадцатых годов его избирали на должность председателя сельсовета, невеликая, однако какая-никакая начальственная должность. Когда началась борьба с религией, стали преследовать и расстреливать попов и служителей культа, Ивана Пальчикова (того самого, дядю Фомы Захаровича) раскулачили, детей он успел отправить куда-то на юг, а сам по какой-то неизвестной причине не мог скрыться. Мама рассказывала, что он приехал к отцу в сельсовет и сказал: «Санька, дай мне справку» — требовалась справка, чтобы он смог уехать беспрепятственно. А отец ответил: «Хоть я был тогда почти мальчишкой, но я хорошо помню, как ты с моим отцом поступил, как ты про 30 лошадей сказал, и никакой справки я тебе не дам».

Ивана тогда вместе со священниками, среди которых был еще один наш родственник, со стороны Кремнёвых, священник Панарин, расстреляли около стен церкви в селе Яминском, что в 10 км от Еланды — то был храм Святого Прокопия Христа ради юродивого. Он располагался на перекрестке дорог на Мартыново и Шалап. К приходу церковному относились деревни Еланда, Верх-Яминская, Шалапская. Деревни входили в состав Уксунайской волости Кузнецкого округа Томской губернии. Церковь была пятиглавая. Здание обшито тесом, крыша железная. Имелась звонница. Церковь была аккуратно огорожена и располагалась на месте, где ныне стоит памятник Ленину. Храм был построен и освящен в 1902 году, в 20-е годы использовался под зерносклад, а в середине 30-х окончательно уничтожен.

Был ли дед верующим? Да, он в юности был певчим на клиросе! Он хорошо пел всю жизнь, обладал густым, богатым баритоном. Тогда, до гражданской войны, он был, как и все, верующим, в церковь ходил, с бабушкой Пелагеей они венчались, «а тут уже, — кивала головой мама, — при советской власти кто был верующим?» Но Александр Фомич все равно придерживался и праздников всех, и молитвы знал.

Большое испытание для него было, когда после войны ввели двойной учет, новый порядок отчетности, в колхоз прислали другого бухгалтера, а деда перевели и поставили заведующим молочной фермы. Но Александр Фомич не смог на новой должности, не его это было, слишком он любил свою прежнюю работу.

Совсем немного он не дождал до пятидесяти пяти, когда вдруг заболел и скоропостижно умер. В 49-м маминого брата Николая забирали в Советскую армию на три года. Событие по тем временам очень значимое, проводы были громкие. И вот на проводах дядя Коля, призывник, завел волынку: «Тятя, родненький, давай с тобой выпьем, давай выпьем!» Морозы стояли лютые. А вино белое (так тогда называли водку), что на проводы купили в сельпо, было густое, ледяное. Александр Фомич поначалу отказывался, а потом уступил сыну, ради такого события, заради уважения

к призывникам выпил неполный стакан. И с того стакана — со 150 грамм — он заболел и заболел тяжело. Такая жуткая простуда случилась, что вскоре и умер. У него с горлом что-то было хроническое и с лёгкими тоже. Он рожден был на Тамбовщине в 1894 году, в декабре, 19 числа у него день рождения, а умер в октябре 1949-го, 15 октября.

Единственный, кто остался от их большой семьи, был брат его, Миша, маленький, бойкий дядя мамин, он умер уже в 74-м. А родился в 1899, как и бабушка Пелагея, в один с нею год. Михаил Фомич мужичонка был невеликий, метр пятьдесят. Тоже у Колчака в Гражданскую служил. Их трое у Фомы Захаровича сыновей было. Вот Александр Фомич первый, а после родились двойняшки: Миша и еще один. Но тот сразу умер, вот и остались два мужика по прадедовой линии — Александр и Михаил.

По рассказам мамы, книг в их доме не было. Вот у прабабушки, маминой матери, были книги. Марфа Григорьевна Загородникова любила чтение, видимо, у нее оставалось для этого свободное время и возможности для собирания домашней библиотеки. Относительное благополучие этой семьи и в Бийске, и после в Ельцовке продержалось до начала Первой мировой и потом Гражданской войн. Из трех сыновей Марфы и Павла Сутягиных старший, Егор, погиб в Первую германскую войну. Алексей погиб во время Великой Отечественной, а Иван пришел израненный уже в 45-м после Победы и умер дома от последствий ранений. Они все родились в Ельцовке, родном селе Павла Степановича, в той Ельцовке на границе Салаира и тайги, что входила до революции в Кузнецкий уезд. Эта восточная Ельцовка неподалеку от Тогула стоит на реке Чумыш, что вытекает из таежных увалов Салаирского кряжа. Мама в детстве бывала в их доме, который стоял на берегу речушки Бобровки — холодной, родниковой, чистой речки с хариусом мелким. Чумыш дальше, в центре села протекает, а они жили за рекой, за Чумышом. Теперь их дом наверняка не сохранился, но побывать бы там следовало, поклониться, послушать.

Как сложилась судьба теток мамы, сестер бабушки Пелагеи — Анастасии, Клавдии, Аграфены, — неизвестно, в семейных преданиях я пока следов не обнаружил.

Судьбы же маминых братьев более или менее благополучны для тех суровых времён, за исключением старшего брата Алексея. Он ушел в сороковом году в армию. А в 41-м их передислоцировали с Дальнего Востока на западный фронт. 17 декабря 1941 года Алексей ехал через Новосибирск. Он брату Дмитрию успел об этом сообщить, просил подъехать на вокзал, чтобы встретиться. Но Дмитрий не мог тогда подъехать, добраться эти 300 км до Новосибирска, а в сентябре 42-го семья узнала — пропал без вести. Не было писем, не было и похоронки, известно только, что отец Александр Фомич отправлял запрос, и ему пришел ответ: «3 сентября Алексей Александрович Пальчиков пропал без вести». Это случилось под Сталинградом. Нам потом его друг Клемичев, когда приходил в отпуск по ранению, рассказывал, что они форсировали Волгу, и Алексею зацепило осколком плечо, не выгреб, не смог, не хватило сил, не доплыл всего метров сто до берега.

А Дмитрия ранили под Казанью. Ему перебили правый локоть, он полгода лежал в больнице, ни слуху ни духу не было, а потом он пришел — никто из родных уже и не ждал, — пришел, весом был всего 38 килограмм. Худой, истощенный ужасно. Так до конца своей жизни он и ел, и работал, и все делал левой рукой. Я с малых лет помню, как он встречал нас из Прокопьевска на аэродроме в райцентре Целинном, куда мы, племянники и племянницы, прилетели на АН-2, а дядя Митя ждал у края поля, удерживая левой рукой за вожжи лошадку с телегой, чтобы отвезти нас в Еланду. В клубничные поля и в пойму пескариной речки Яминки.

А брата мамино, Василия, призвали в 43-м, он прошел и Венгрию, и Румынию, и Польшу, немного до Берлина не дошел. Трижды был ранен, но нетяжело. А когда война закончилась, он еще служил. Вот ушел в 43-м, а демобилизовался он в 49-м, в октябре: он еще действительную служил после войны. Василий Александрович до фронта учился в Винницкой области, жил там, по рассказам

мамы, с женщиной по имени Казак Анна Кирилловна, она родила ему сына. О судьбе этого ребенка известно мало. По некоторым свидетельствам, он умер в раннем возрасте. Но не факт. Анна долго писала, присылала письма, даже когда дядя Василий был уже женат. Красивая такая статная женщина из центральной Украины.

Отец мамы, Александр Фомич, умер в октябре 1949-го, это произошло уже при дяде Василии, брат мамы Евдокии Александровны успел застать отца. И вот, как только сорок дней прошло, как вспоминает мама, «Вася уже женился, на своей Поле, на дурочке маленькой». Но это семейные дела и семейные неприязни...

Младший брат Николай уже не воевал. В армию его забрали в 49-м, а вернулся он не раньше чем в 53-м. За год до этого мама моя, Евдокия Александровна, вышла замуж, это произошло в 52-м году в ноябре. А брат Николай демобилизовался зимой 53-го. Он четыре года служил по тогдашнему закону. За четыре года войны Отечественной повыбило народ, мало было новобранцев, вот и срок службы увеличили.

«Мы почти всю жизнь прожили в Еланде, — говорит мама про свою молодость. — Это уже потом, когда отца не стало, в середине пятидесятых, Василий переехал в Ельцовку, и мама с ним переехала. Я к тому времени уже вышла замуж и жила в Прокопьевске. Чуть позже из Еланды уехал и Дмитрий — тоже в Прокопьевск, а Василий перебрался из Ельцовки в Мыски. Но Дмитрий прожил в Прокопьевске всего года четыре, не более того, и снова переехал в Еланду, а вот Василий так в Мысках и остался, там и помер».

Пелагея Павловна, бабушка наша, умерла в восемьдесят восемь в 1987 году.

Родилась мама Евдокия Александровна в 1931 году, в Еланде, на окраине села, в отделении колхоза им. Буденного.

Детство прошло на речке — пескариная, теплая, ласковая речка Яма, она от Яминска течет, который во времена хрущовские стал райцентром Целинное.

Воспоминания мамы о ранних годах сами по себе живописны и говорящи, я попытался сохранить и строй ее устной речи, и характерные интонации:

«Босиком всю жизнь, с весны до осени. Жили бедно. В туалет ходили — и то обувались по очереди. А уборная, конечно, на улице, за сараем. Да какая там уборная — где придется!»

Скотина разная у нас была. Ну, как без скотины в ту пору, это обязательно. И коровы, и овцы, и свиньи были; много-то не разрешали, но парочка была. И ягнятки, и теленок был. Куры, гуси, понятное дело...

Огород сорок соток. Картошку, капусту, дыни, арбузы, огурцы — все сажала мама, все выращивала, все засаливала-запасала на зиму. И со всем управлялась одна Пелагея Павловна, как только сил хватало. Ну, я потом уже подросла, ей помогать стала.

Помню, мы с ней каждое лето за ягодами разными ходили. Ведь только клубники по два-три мешка засушивали. Мама знала хорошие ягодные места, любила это дело. Вот она встанет часа в четыре утра, корову подоит, отправит пастись, что-то поест, приготовит, и уже часов в шесть нас нет, мы уже ушли, чтоб никто не видел и не знал. Никого с собою никогда не брала, особенно когда по клубнику отправлялись. Сейчас трудно поверить, мы по восемь, по девять ведер с ней набирали за день. Братец Дмитрий тогда работал бригадиром тракторного отряда, вот он на дрожках подъедет (а у нас с мамой и платки, и подола юбок — всё заполнено клубникой), погрузит и увезет нас домой. Мы тут же на чердаке — там половик лежал специальный — ягоду рассыплем, она сохнет на вольном воздухе, а потом веем и насыпаем в мешки. Варить-то — не было сахара, и мы вот так.

И смородину ходили собирали по Шалапику (речка такая, Шалапик). Какая была смородина! Ароматная, крупная! Обычная садовая — она ей даже не родня! Шалапик от нас довольно далеко, километров, наверное, шесть-семь. Мы ходили пешком, никто нас не возил. И набирали, и мама на капустных листьях ее толкла и сушила в печке, а потом зимой добавляла меду, стряпала пирожки. Это из смородины. А клубнику отварит на пирожки, а отвар душистый вместо чая пьем (чай уже после войны появился в продаже). Ну, клубнику мы вообще во всяческих

видах ели — и запаривали, и сухую. Эти два-три мешка — все за зиму съедали... Смородину мама свежую умела сохранять. Тогда не было банок трехлитровых, а трехлитровые бутылки такие, с узким горлышком, конечно, четвертя их называли — вот она наполняла их ягодой, и как-то она ведь хранилась у нее, без сахара. Кипятком, что ли, заливала, не знаю.

Родители ездили на лошади в тайгу, за Ельцовку, черемуху тоже мешками привозили. А ближе к зиме, уже в ноябре, она сладкая такая становится, они половик подстелют под куст, потрясут-потрясут — и мешок готов. И калину собирали. Все возможные ягоды запасали. От Еланды до Ельцовки приблизительно сорок километров. А родители ездили за черемухой дальше, еще за Ельцовку километров 15-20. Калину мы парили. А еще со-лод со ржаной мукой — мама кулагу делала с калиной, на ночь в теплую печь ставила, от всех болезней блюдо. И пирожки с калиной стряпала.

И капуста мама солила по две-три бочки. И огурцов. Всё у нас было свое. Пелагея Павловна всего помногу и садила, и запасала. И брюквы, и свеклы. И тыквы вдоль по картошке насадит. У нас столько ее было, тыквы! Семечек от нее насушивали тоже мешками. Целую зиму щелкали. А брюкву и так ели, и парили, и вместе со свеклой. Мама брюкву нарежет, свеклы нарежет, тыквы добавит, в чугуне напарит — потрясающая вкуснятина!

Тогда же, и в 30-х, и в 40-х, природа была нетронутой, и земля, и вода чистые, мы все ели натуральное. И все-все свое. Никогда ничего не продавали, но вот раздавать — бывало. Мама по натуре добрый человек была, много продуктов раздавала людям. Лодырей и тогда было достаточно. Вот придут: “Пална, дай капустки! Пална, дай огурчик!” Лето пролежат ноги кверху, а зимой ходят: дай то, соседка, дай другое. Мы с мамой тогда спорили, я ей говорю, мол, упираюсь, поливаю, ношу ведра, через 28 ступенек поднимаю, с речки воду таскаючи, а ты, говорю, кормишь побирušек.

С десяти лет, почитай, с начала войны, я ребенком упиралась, десятилитровые ведра с речки Ямы таскала. От добра, что ли, столько операций, столько болячек?! Колодец был далеко — аж у Кремнёвых да у Зорькиных. Так и из колодца потащи-ка их,

повытаскивай-ка ведра-то! Еще тяжелее, чем с речки. Капуста, правда, на берегу у нас была, огородик такой приспособили, близко от берега, поливать легче, а то ведь по 200–300 корней ее мама садила, целая плантация. По три бочки капусты солила! Да еще бочку огурцов переложит капустой — какие они вкусные, огурчики, в капусте-то!

Мы и помидоров — правда, тогда их в деревне не помидорами звали, а баклажанами — много садили. Помню, как те у нас везде лежали: и на печке в валенках, и на голбецах, и на палатках — доспевали. На корню-то не успевали, это на Алтае, туда дальше — Горно-Алтайск, Барнаул, Бийск — там теплее, а у нас по 50 градусов морозы были, особенно во время войны и после войны. Холодина был ужасный! Однако лета были жаркие, знойные. Но короче, чем нынешние. Это сейчас климат изменился, не такой совсем стал, сейчас и морозов — неделю подержало, попужало, и всё. А мы по месяцу в школе не учились: не отапливалось же ничего, и мы, и учительницы замерзали в классе.

Да, и вспоминать-то тяжело, с десяти лет начала я помогать маме по огороду. А в пять лет с Колей, братцем восьмилетним, уже бегала пасти телят колхозных. Мама тогда работала дояркой и еще брала себе группу телят, она их поила-обихаживала, а мы их пасли за поскотиной, около коровника, неподалеку. Помню, в грозу бежим с братиком, прячемся где только можно, гоним этих телят, насквозь промокнем, а радостные и довольные.

Но таких счастливых моментов в детстве не больно-то много было, мы же, как рабы, с малых лет работали... Доить корову начала уже лет в тринадцать. И корову доила, и скотину на водопой гоняла, и сена давала, и на кухне помогала — везде на подхвате, а как же! Некогда было сидеть и в игры играть, хлеб надо было зарабатывать горбом.

В доме нашем русская печка была, чтобы и хлеб испечь, и каши готовить, и спать на ней в тепле. Они в каждом доме тогда были. А в комнатах, в горницах то есть, — там голландки ставили. Русская печка отапливала кухню, а в горнице бывало прохладно. Вот там печки-голландки небольшие мастерили. Так, говорят, с Петра I повелось называть, а вообще-то — обычная печка,

топились дровами, не как у нас в Прокопьевске — углем, так что ведра на весь день хватало. Топили тогда чем придется: дровами, соломой, полынью, кизяком еще. Плохо было с топливом, не всегда на зиму хватало.

Дом наш — это комната большая (горница) и кухня; сенки теплые одни и вторые, коридор, кладовка. Крыльцо большое крытое, то, что верандой сейчас называется. Если бы ум и возможность, родители могли еще две спальни сделать. Сенки же были бревенчатые, тепло держали — и первые, и вторые, и кладовка. Но, наверное, потому не сделали, что топить нечем было, шибко дорого было тракторную телегу дров купить-доставить.

Мы с братом Колей однажды едва не замерзли, ездили за дровами. Взяли санки большие, поехали, пеньков навывакали, на рубили, напилили, полные санки наложили и потащили вместо лошадок. А поднялся буран, ветер боковой, едва видно дорогу, уже темнеет, а мы с ним — куда деваться, что делать, не можем ехать в таком буране! — сели на эти санки и задремали, а отец с матерью тем временем с ума чуть не посходили. Нарочного отец послал, верхом, он нас нашел, а мы уже засыпали. Ну, привезли нас, отогрели, отпоили: мне лет 12, а Коле 15 было, да.

В школу я пошла с восьми лет. В начальных классах на всё про всё — по грамоте и по всем предметам — одна учительница была, хохлушка, добрая такая, старательная. В одной классной комнате занимались сразу первый, второй и третий классы. Какая там учеба была? Прописи, азбука да арифметика. Уже потом всё наладилось, в Еланду, в центр села, мы стали в школу ходить. Далеко, километров пять, а мы пешком все время: и в мороз, и в дождь, и в снег. Через луг, через речку. А весной, когда разливалась речка, мы на тот берег перебирались, квартиры там снимали, недели две-три жили на квартирах. Переправы ж тогда не было, это только в 60-х мост построили бетонный.

А война когда началась — и топить ведь школу нечем было, и замерзали на уроках, и даже перьев у нас не было, «рондо», такое перо стальное — считалось дорогим перышком, — не у всех было. Да, из сажи делали чернила, из печной сажи. И тетрадей не достать было. Всю войну писали по исписанным тетрадям,

по книжкам — между строк. Кое-как, с горем пополам... Но все равно, дурного слова не скажу, учителя были хорошие. Из эвакуированных преподавали украинцы — Игнат Петрович Бажор, он преподаватель университета до войны, а нам точные науки преподавал: и математику, и алгебру, и геометрию, и физику, и еще что-то, а его жена, Евдокия Фоминична, та преподавала нам географию, биологию, зоологию, химию. Они с Западной Украины на Алтай прибыли.

Самые большие успехи у меня были по математике. Я все правила по алгебре, все теоремы по геометрии знала назубок. Игнат Петрович меня целыми уроками держал на ногах. Вот он вызовет кого-нибудь к доске написать пример и потом требует: расскажи правило. Тот стоит как истукан. Игнат Петрович на меня (очки так приподымая): «Паль-чи-ко-ва, встань!» Я встану. Повтори, дескать, ему или ей правило. Я повторяю. Только сяду — обратно поднимает! И вот так целый урок он меня заставлял другим ученикам правило или теорему вдалбливать.

Один раз вызвал он Дуську Никулину задание по геометрии выполнить, а она стоит перед доской и ничего не может сделать. Игнат Петрович говорит: «Пальчикова, выйди, докажи ей теорему». Я вышла, все сделала, села за свою парту. А он Дуське говорит: «А теперь спой нам песню! Как ты вчера пела: “У Бажора два кармана, у Бажорихи — один. Мы Бажориху заколем, а Бажора продадим!”» Это Дуська с парнями сочинили (мы в 7-м классе учились, она всюду уже заневестилась, гуляла вечерами), а Игнат Петрович, видимо, на улице где-то услышал ее частушку. «Вот, — говорит, — Пальчикова учит теоремы, получает знания, а ты песни поешь! Так все пропоешь, прогуляешь и толку от учебы не получишь».

По математике, по геометрии я была отличницей, а физику не очень любила. Ну, я отвечала, конечно, но интереса не было. И по химии у меня было хорошо, и по зоологии. Вот русский почему-то хромал. И ошибки были какие-то совершенно дурацкие: то вместо А вдруг О напишу, то вместо О — А. Или вместо И — Е и наоборот. Всегда за сочинения или за изложения мне пятерки ставили, а за ошибки нередко двойку. И все-таки самые любимые — алгебра, геометрия. Я до старости все еще

помню формулы. С немецким языком тоже было все хорошо — и понимала, и переводила сама, а сейчас-то, господи, всё забыла.

Семилетку я кончила поздно, долго болела, полтора года не училась. Только в 48 году, уже не в Еланде, семнадцати лет поступила в восьмой класс. У меня свидетельство о восьмилетке на всю жизнь осталось. Всё остальное — работа».

Вот так — всё остальное работа и работа, почти семь десятков лет непрерывного тяжелого труда.

Эти 28 ступенек от мостков на речке Яме, этот подъем до неохватного для детских глаз сельского огорода-кормильца, этот путь, смысл которого — напоить и напитать близких, стал воистину пророческим символом всей ее будущей жизни.

Оглядываясь на судьбу трех поколений предков, я с изумлением, трепетом и пониманием того, что это невозможно постичь, всякий раз вопрошаю: «Как они выжили?!» И не могу найти ответа на этот вопрос. Единственный намек содержится в том самом пути через 28 ступенек, когда десятилетняя девочка совершает этот самый и для взрослого тяжкий подъем с пониманием того, что, кроме нее, некому. Она многожды и многожды раз ежедневно поднимает воду для полива, она не считает это подвигом, она всего лишь дочь, сестра, помощница, она — часть семьи и, значит, не может не делать того, что ей поручено.

Разумеется, такое напряжение сил не могло пройти бесследно. В период девичьего созревания, уже после войны, даже фельдшера в селе Еланда не было, никаких медицинских осмотров не проводилось, проконсультировать девочку было некому. По этой причине почти три месяца в конце 1946 и в начале 1947 года юная Дуся Пальчикова мучилась болями внизу живота, дикие боли случались, ревом кричала, было что-то наподобие схваток родовых. Девочку отвезли в райцентр Тогул, там тоже гинеколога не оказалось, решили оперировать, полостная операция продолжалась три с лишним часа — вскрыли, посмотрели и зашили, написав в заключении: «в полости живота обнаружен кусок мяса с голову родившегося ребенка». По результату этой операции

шов заживал у мамы почти полгода, так как образовался свищ, но это уже после было.

Слава богу, у врачей хватило ума отправить пациентку в Бийск, там, на мамино счастье, попался очень опытный врач из эвакуированных — ох, как доктор ругался! Проклинал тогульских коллег своих, звонил туда, кричал: «Разве можно делать опыты на детях?!»

А всего-то надо было — это совершить небольшую хирургическую манипуляцию специальным медицинским инструментом. В результате никакие функции девичьего организма не были нарушены и способность к материнству, к зачатию не пострадала. На выздоровление ушли буквально считанные дни. Именно благодаря этому доктору у мамы в 50-х годах родилось трое детей — Надежда, Виктор и я, младшенький.

Как бы я хотел знать имя того врача.

Дело происходило в феврале 1947 года в горбольнице за рекой Бия, где мама пролежала всего неделю, после чего ее, счастливую, избавившуюся от чудовищной боли, забрали брат Николай вместе с бабушкой Пелагеей.

А уже через пять лет она выйдет замуж за Алексея Фёдоровича Березева...

18 декабря 2022, Новосибирск